МАЛЕНЬКАЯ КАПЛЯ

НА КОНЧИКЕ НОСА

18+

МИХАИЛ СТАНЕЦКИЙ

Михаил Станецкий

Маленькая капля на кончике носа

«Издательские решения»

Станецкий М. Ю.

Маленькая капля на кончике носа / М. Ю. Станецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567788-4

Время действия — вечность. Место — всё мироздание. Сознание переносит героев в прошлое и будущее. Это вымышленное путешествие необходимо, чтобы заглянуть внутрь себя и понять, кто я и куда иду. По пути столько вопросов: что более реально — физический мир или внутреннее «Я», эмоции или разум, сочувствие или страх? Герои в этом путешествии к себе настоящему счастливы и свободны. Может, счастье — это то, что внутри, и нужно уловить его присутствие?

ISBN 978-5-00-567788-4

© Станецкий М. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Имаго1 6
Орден Серебряной чаши 8
Гречневая каша 14
Маленькая капля на кончике носа 16
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Маленькая капля на кончике носа

Михаил Юрьевич Станецкий

Иллюстратор Виктор Петровичев
Иллюстратор Алена Варвара Морозова
Корректор Анастасия Лобанова

© Михаил Юрьевич Станецкий, 2022
© Виктор Петровичев, иллюстрации, 2022
© Алена Варвара Морозова, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-7788-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю свою первую книгу жене и сыну,
моим критикам и редакторам

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»
Первое послание к Коринфянам
святого апостола Павла. Глава 13.

Имаго[1]
Тема: «Бабочка и актёр»

Казалось, что вместе с челюстями выскочит позвоночник, а потом и весь скелет. Было очень больно и страшно. Руки бессильно болтались плетями вдоль туловища. Вениамин Семёнович висел на одних зубах. А учитывая, что ему уже было сильно за шестьдесят, а зубы у него не являлись самым сильным местом в организме, то было очевидно, что он висел из последних сил. По телу шли мелкие судороги. Онемело всё, кроме головы. Вениамин Семёнович ждал чуда.

Звонок не работал, и незапертая дверь открылась сама собой. Аня, по поручению мамы пришедшая к хорошо знакомому соседу по лестничной площадке за солью, остолбенела. Вениамин Семёнович был знаком ей с детства и часто развлекал её весёлыми шутками и репризами, всем тем, что с давних времён хранилось в багаже старого артиста цирка, который уже вышел на пенсию. Пик его артистической славы был давно позади, и минувшая популярность растаяла, как прекрасная шевелюра его рыжих волос, оставив лишь куцый венчик по краям черепа. Он был несчастен и одинок. Задумываясь о прожитой жизни, Вениамин Семёнович часто мечтал о радикальных переменах, которые помогут ему поразить и удивить окружающий мир собственной удалью. Он чувствовал, что она ещё теплилась в стареющем теле и возрастала только в душе. Добродушие и излишняя вялость Вениамина Семёновича, как он полагал, мешали добиться ему чего-то значимого в жизни, низведя его существование лишь до статистического факта.

Однажды утром недалеко от крыльца своей дачи он впервые увидел, как мерзкого вида гусеница стала превращаться в куколку. «Это знак!» – подумал Вениамин Семёнович и тут же услышал внутренний голос:

– Съешь её! – негромко приказал голос тоном, не подразумевающим возражений.

Вениамин Семёнович хотел было поспорить и найти убедительные аргументы, чтобы не делать этого, но голос так же тихо и уверенно опередил его:

– Делай, что говорю, старый козёл! Иначе превратишься в трухлявый пень! А так обретёшь молодость, силу и энергию!

Стало ясно, что спорить бессмысленно в силу несокрушимости аргументации оппонента. А возникшая перспектива окрыляла и добавляла решимости совершить эту мерзость. Трясущимися пальцами Вениамин Семёнович отправил весьма упитанную куколку в рот. Показалось, что она зашевелилась, оказавшись во рту, видимо предчувствуя что-то недоброе. Не разжёвывая её, бывший гимнаст, сильно сморщившись, проглотил куколку. Теперь веривший с малых лет в сказки Вениамин Семёнович стал одержим идеей преображения. Но голос подло молчал, утаивая способ этой метаморфозы, несмотря на неоднократные призывы со стороны артиста. Поразмыслив, уже у себя дома в панельной пятиэтажке, Вениамин Семёнович, доверившись интуиции, решил повторить все действия гусеницы перед решительным преображением. Он прибил к стене мощную скобу и повесил петлю из нейлоновой верёвки. Встав на табуретку, бывший гимнаст привычно ухватился зубами за петлю и откинул табуретку. Вениамин Семёнович вдруг ощутил, как немеет тело и отказывают все органы. Дышать стало нечем. Пошли судороги. В этот кульминационный момент и вошла малолетняя соседка Аня. Она ужаснулась, предположив, что стала свидетелем самоубийства. Но вдруг она увидела, как груз-

[1] Имаго – взрослая стадия индивидуального развития насекомых и некоторых других членистоногих животных со сложным жизненным циклом. Некоторые виды имаго живут от нескольких часов до нескольких дней и не питаются (кишечник половозрелых особей прерван на границе средней и задней кишки и заполнен воздухом, челюстной аппарат редуцирован).

ное тело соседа, подобно старой маминой шубе, рухнуло вниз, обнажив другое – молодое и красивое. Перед ней, держась зубами за нейлоновую верёвку, висел молодой атлет со слипшимися от слизи крыльями за спиной. По красным, налитым кровью глазам стало ясно, что перед ней молодой хищник.

Вениамин Семёнович возликовал, ощутив себя снова молодым и сильным. Его немощь и нерешимость исчезли. Он почувствовал, что перед ним открывается новая интересная жизнь. Правда, он ещё не знал, что срок жизни данного вида имаго составляет только несколько часов.

2021

Орден Серебряной чаши

Побрив лицо, он начал старательно брить руки и грудь, напевая арию незнакомой мне оперы. Его внешняя брутальность, пережив такие испытания, в виде довольно странных гигиенических процедур, не истончалась, а, наоборот, набирала большую мощь и отчаянную наглядность. Стоя за его спиной, я ожидал, когда он освободит мне очередь к раковине, чтобы умыться.

Утреннее солнце, неистовствовало, ворвавшись в огромные просторы обширной залы, где был бассейн. Проникнув через ряд узких и длинных окон с витражами, солнце, видимо, сошло с ума от неестественных размеров помещения и безуспешных поисков выхода из залы в стиле хай-тек. Помимо огромного бассейна здесь находилось несколько тренажёров фирмы «Кётлер» и меньший по размерам бассейн с джакузи. Всё это никак не сочеталось с неестественно большой и удивительной по декору сантехнической раковиной в виде морской ракушки гигантского моллюска. Она располагалась прямо по центру, и вместо крана там бил фонтанчик.

– Минера-а-алочка-а-а-а, – пропел Альберт, блаженно закатывая глаза и умывая лицо водой из фонтанчика.

Прервав свои вокальные упражнения, Альберт повернулся и изобразил крайнее удивление, заметив меня. Мы смотрели несколько секунд друг другу в глаза, не произнося ни слова. Я был явно напуган, так как решил, что после вчерашнего пиршества хозяин дома просто позабыл, с кем делил застолье и кому рассказывал свои сокровенные истории.

Помолчав, мы одновременно рассмеялись, и Альберт уступил мне место у раковины, церемонно раскланявшись. Его правильная литературная речь никак не сочеталась с элементами откровенного кича, который сопровождал внутреннее убранство его дома. Обстановка и декор помещений выдавал в хозяине богатого нувориша с незаконченным средним образованием. Но сейчас этот когнитивный диссонанс не мог меня отвлечь от дикой головной боли после вчерашнего застолья.

Я стал смутно вспоминать вчерашнюю историю, рассказанную хозяином дома. Точно не помня суть рассказа, я осознавал, что история потрясла всех гостей. Большинство участников вчерашнего застолья являли собой управленцев среднего звена местной администрации да несколько бизнесменов средней руки.

Умываясь, я всё ещё надеялся избавиться от головной боли, особенно после того, как напился воды с аспирином. Альберт сидел в шезлонге рядом с бассейном и лениво потягивал что-то из красивого бокала. Подойдя к Альберту, я поинтересовался, что именно он пьёт.

– Что может в меру интеллигентный человек пить по утрам на фоне восходящего солнца, если у него есть совесть и кредит в банке «Сосьете Женераль»? – Альберт счастливо улыбался, задавая мне этот вопрос.

– Неужели минералка? Хотя из такого красивого бокала надо бы пить Daiquiri или в крайнем случае Blue Curacao, – я решил подыграть Альберту, хотя делать это становилось всё сложнее из-за неутихающей головной боли.

– Вы, молодой человек, в юности явно зачитывали до дыр папашу Хэма, не правда ли? И отсюда ваши отчаянные фантазии. Это всего лишь старый добрый рассол.

– Мне уже стыдно за свой снобизм. Сэр, оставьте полчекушечки, милости ради, – кривляясь, жалобно проблеял я.

Альберт с улыбкой протянул мне высокий стакан, который был уже наполнен живительной влагой – настоящим русским рассолом. Стакан был одет в серебряный подстаканник в виде черепа, в глазницах которого сияли весьма крупные рубины. И сразу я вспомнил весь наш вчерашний разговор. На фоне этих воспоминаний моё настроение стало портиться.

А история, рассказанная Альбертом, хозяином огромного особняка на Волге, была такова:

«Я тогда собирал материал для одной статьи, которая позволила бы мне претендовать на грант крупного фонда. Была слякотная осень, и я копался в архивах красивого монастыря иезуитов, расположенного в испанской Саламанке. Доступ к архивам мне обеспечил мой приятель, служивший аж в Ватикане. Уже вторую неделю я по крохам собирал материал о хозяйстве и быте дворян Средневековья. Но вдруг я наткнулся на изрядно пожелтевший от времени толстый конверт с обгрызенными углами. Конверт был увесист и запечатан почти рассыпавшимся сургучом со следами нечитаемой монограммы. На конверте с трудом можно было разобрать надпись на староиспанском языке, свидетельствующую о том, что внутри содержатся материалы судебного дела о весьма странном преступлении. Записи датировались 1643 годом, периодом правления Филиппа IV, недавно взошедшего на престол. Этот период стал продолжением чёрной полосы в истории Испании. Непосильное бремя одного из главных игроков мировой истории привело Испанию к финансовому банкротству и утрате многих колоний и территорий.

Непродуманная политика официального фаворита короля, графа-герцога де Оливареса, привела Испанию к длительному периоду экономической и политической стагнации. В Испании того периода усиливались центробежные процессы на фоне роста влияния местного дворянства. Король и правительство вело отчаянную схватку с историей за единство и могущество Испании. А католическая церковь стремилась искоренить всяческие намёки на ересь и свободомыслие.

А пасха-то пролетела!

Так думал о Пасхе и девичьей молодости мой любимый поэт Луис де Гонгора-и-Арготе[2]. Согласитесь, прекрасный слог, не правда ли, Вики?

Воцарилась тишина. Казалось, что замолчали даже все посетители в кафе, поддавшись очарованию и музыке стиха, который блестяще исполнил Саша на хорошем испанском. Это поэт, которого ненавидел Лопе де Вега и Франсиско Кеведо, но обожал Сервантес. Он не оставлял равнодушными своих читателей и слушателей.

Вчитываясь в документы папки, я ознакомился с удивительнейшей историей одного знатного дворянина, являвшегося, по мнению многих историков, бастардом того самого графа-герцога де Оливареса. К моменту суда и написанию протоколов заседания влияние и авторитет отца этого бастарда иссякли, и, следовательно, Педро де Суньига, наш главный обвиняемый, был подвергнут допросу с пристрастием за еретическое свободомыслие, подозрение в убийстве персон королевской фамилии и связях с морисками[3] и марранами[4].

Судя по записям продолжительных бесед с этим Педро, вырисовывался портрет крайне яркого, харизматичного персонажа. Педро де Суньига получил неплохое образование, освоив, как и его батюшка, основы права в университете Саламанки. Затем, пользуясь довольно значительным содержанием со стороны богатых покровителей, юный дворянин кинулся в море политических интриг, любовных приключений и философских поисков смысла жизни.

До этого момента вся его судьба не представляла какого-либо интереса в силу обыденности и естественности для отпрысков влиятельных грандов. Но в дальнейшем судьба его резко изменилась. Он познакомился с одним из странствующих монахов, явно тяготевшим к аван-

[2] Луис де Гонгора-и-Арготе (1561—1627 гг.) – один из наиболее влиятельных испанских поэтов эпохи барокко.

[3] Мориски – (араб., в букв. переводе маленькие мавры, мавританишки) в Испании и Португалии – мусульмане Аль-Андалуса, официально принявшие христианство, а также их потомки. Мориски вместе с марранами (крещёными евреями) причислялись к сословию новых христиан (исп. cristiano nuevo, порт. cristãos novos).

[4] Марраны (исп. marrar «заблуждаться», араб. [мухаррам] «запрещённое») – термин, которым христианское население Испании и Португалии называло крещёных евреев и их потомков (конец XIV – XV вв.).

тюризму и проповедничеству. Монах неплохо знал основы иудаизма, ислама и, естественно, христианства. В дальнейшем выяснилось, что он был родом из марранов, тайно исповедующих иудаизм, о чем красноречиво свидетельствуют его показания, добытые с помощью пыток. Имя монаха было Хуан, а больше о нём ничего не было известно. Причём было очевидно, что большая часть информация о Хуане была либо вымарана, либо вырезана из материалов следствия.

Поддавшись обаянию этого Хуана, главный герой, Педро де Суньига, решает создать свой орден, благо средств на эту затею ему явно хватало. Философско-идеологической основой предприятия занялся Хуан, а организационными вопросами – Педро де Суньига. Надо заметить, что к тому моменту наш главный герой успел убить на дуэли одного знатного дворянина, настоящего гранда, в результате чего Педро вынужден был некоторое время скрываться. Его спасло тогда, видимо, вмешательство отца, графа де Оливареса, фаворита короля Испании, Филиппа IV.

С этого момента Педро де Суньига на некоторое время стал вести жизнь отшельника, старательно изучающего Талмуд, Коран и Библию. Поразительно, но его смело можно было бы причислить к родоначальникам экуменизма, так как суть его размышлений и работ сводилась к простому и очевидному выводу – на «пик этой скалы каждый лезет своим маршрутом, но пик в этой долине – ОДИН»! Церковь, конечно, не могла простить этого молодому еретику. Учитывая, что некоторые заседания Ордена основывалась на ритуалах суфизма и иудаизма, обвинительная часть церковников только тяжелела.

Удивительно, как глубина философских рассуждений Педро и его последователей сочеталась с его образом жизни. Помимо активной философско-теологической деятельности, Педро создал закрытый Орден, членом которого мог стать лишь тот, кто убил своего врага на дуэли и лично (!) превратил череп противника в богато инкрустированную чашу для вина. Череп должен был быть покрыт серебром.

При этом крайне важны были детали деятельности этого Ордена. Педро зафиксировал в Уставе, что каждый неофит, помимо принесённого черепа-чаши, должен был рассказать историю её создания. Важнейшими элементами этой истории должны были быть три фактора – правдивость, красота и справедливость, которые в конечном итоге стали своеобразным лозунгом Ордена. Среди членов Ордена в основном были образованные молодые мелкопоместные дворяне или монахи, бежавшие из монастырей, наподобие наставника Педро, Хуана. Целью существования этой тайной группы было поиск свидетельств правдивости рассказа любого неофита. Если в результате тщательных изысканий подтверждалась история кандидата, то его торжественно принимали в члены Ордена «Серебряная чаша». Если же он где-либо отступил от истины, то его ждала смерть. Каждый из членов Ордена вызывал его на дуэль, и, как правило, кто-нибудь убивал. Об этом кандидат, конечно, предупреждался, подписывая Устав собственной кровью.

Кровь убитого разбавлялась славным вином предместий Сарагосы и в результате сложного, полного мистических подробностей ритуала выпивалась на тайных заседаниях Ордена.

Было одно примечательное исключение, характеризующее автора этой идеи не только как сумасшедшего и жестокого авантюриста, но как человека, склонного к творческим началам. Если рассказ претендента большинству членов Ордена нравился чрезмерно, то они переворачивали свой кубок, который стоял перед каждым участником заседания Ордена, вверх дном. Если число перевёрнутых кубков было больше стоящих обычно, то рассказ неофита проверке не подлежал. То есть, таким образом, каждый претендент мог соврать, но настолько красиво, что проверять его не будут. А учитывая, что большинство участников были представители знатных дворянских родов с хорошим образованием и тонким вкусом, то угодить таким слушателям было весьма непросто. И неспроста каждый член Ордена должен был самостоятельно сделать из черепа своего противника-злодея чашу, покрытую серебром. Это подразумевало некоторые знания по анатомии, ювелирному делу и наличие художественного вкуса. А красота

слога и непредсказуемый сюжет рассказа подразумевали отменные литературные навыки. Я уж умолчу о глубине теологических споров, которые происходили на регулярных заседаниях Ордена. Каждый член Ордена обязан был раз в год готовить доклад по философии, математике, астрономии, литературе или медицине, который ревниво обсуждался остальными членами Ордена Серебряной чаши.

Всё развивалось как нельзя успешнее для Педро и Хуана, но случилась беда в виде одного молодого и нахального гранда de estado, то есть получившего от предков свой дворянский титул не по крови, а по богатству. Наглец бессовестно соврал о своих успехах в дуэлях, но рассказ его был не столь выразителен и интересен, как представлялось автору. Вследствие этого единогласно было принято решение о проверке изложенных фактов, подразумевавших существование явно злодейских наклонностей у убитого и его вражду с автором. Это давало повод к дуэли. Быстро выяснилось, что всё рассказанное розовощеким дворянином – откровенная ложь, а чашу сделали по заказу в ювелирной лавке из черепа, выкупленного с еврейского кладбища, что особенно возмутило беглого монаха Хуана. Тут же последовал вызов на дуэль со стороны одного из членов Ордена, в результате которой победителем становится, несмотря на свой юный возраст, молодой дворянчик. Далее и того хуже – каждая последующая дуэль заканчивалась смертью члена Ордена и торжеством наглеца. Когда же коварный магистр Ордена дон Педро решил нанять убийц для решения затянувшейся проблемы, родные бессовестного неофита привлекли Церковь для суда над еретиками. Так закончилась история этого Ордена, Ордена Серебряной чаши. Педро и Хуана долго пытали, а после Хуана благополучно сожгли. Судьба Педро не известна. Документов, подтверждающих его смерть, мною не было обнаружено. Я было решил, что его спас всесильный батюшка, но его судьба к этому моменту тоже была печальной, так как отрешённый от всех должностей, граф-герцог Оливарес из бывшего фаворита стал изгнанником, доживавшим свои дни в небольшом городишке Торо. Поэтому его участие в судьбе своего сына было исключено».

Выслушав вчера весь этот рассказ, многие присутствующие на вечеринке довольно высоко оценили эту историю. Я же, отдав должное красоте услышанного, заметил, что «на счастье рассказчика, мы находимся не во время заседания Ордена и у нас нет группы дознания, которая могла бы выявить ложь». Все посмеялись, но Альберт очевидно помрачнел на несколько секунд. А затем, взяв себя в руки, продолжил великолепно исполнять роль тамады на нашем застолье. Где-то часа через полтора, когда многие из гостей уже засобирались домой, Альберт подошёл ко мне и, дружелюбно положив руку мне на плечо, заговорил:

– А вас, молодой человек, я попрошу остаться. Я как понял, вы интересуетесь историей и антиквариатом. Так вот, не хотите ли взглянуть на мою коллекцию древностей? Некоторые экспонаты могли бы составить честь лучшим музеям Европы. – Альберт хитро сощурился.

– Да, пожалуй, соглашусь. Тем более я давно и бесстыдно собирался воспользоваться вашим гостеприимством, как минимум на одну ночь.

Надо заметить, что командировка в этот город заканчивалась у меня на следующий день, а гостиница была невыносима, со всеми приметами провинциализма. Поэтому причин торопиться в свой отель у меня не было, а Альберт ещё в начале нашего застолья предложил всем присутствующим свой кров вплоть до вечера воскресенья.

Проводив последнего гостя, мы пошли смотреть его коллекцию монет и оружия.

Пройдя в полуподвальное, хорошо охраняемое помещение, я был потрясён увиденным. Монеты Боспорского царства перемежались с оболами Александра Македонского и статерами Милета, а дарики Персии с денариями Древнего Рима. И вдруг мой взгляд упал на угол весьма внушительного по размерам хранилища. В полумраке верхних полок стояли штук тридцать кубков в виде человеческих черепов. Я сразу подумал, что эти черепа могут иметь отношение к услышанной сегодня истории.

– Это иллюстрация к вашему рассказу? – едва слышно спросил я, чужим, как мне показалось, голосом.

Альберт не спеша сел напротив меня в огромное кресло и положил ногу на ногу. Его взгляд стал угрожающим.

– Вы, мой любезный гость, позволили себе усомниться в правдивости моего рассказа? Так вот, этот аргумент отметёт в сторону все сомнения по поводу моей искренности. Мне хватило средств выкупить эти черепа у монастыря. А спустя два месяца я опубликовал статью в журнале «Медиевистика». Эту статью, кстати, перепечатывали в некоторых европейских изданиях. Вот, взгляните на первоисточник. Альберт открыл ящик огромного письменного стола, за которым сидел, и вытащил толстую папку с бумагами. Порывшись, он достал журнал «Медиевистика» десятилетней давности и протянул его мне, открыв на нужной странице.

Я стал читать и, к удивлению, нашёл там описание истории, которую пересказал Альберт своим гостям весьма близко к тексту.

Раздался телефонный звонок. Альберт снял трубку и знаками показал, что должен ненадолго покинуть меня. Уйдя, он плотно закрыл дверь, и я услышал металлический щелчок замка. Через несколько секунд свет стал более тусклым. На огромном и красивом столе, имевшем историю в не одну сотню лет, я заметил початую бутылку виски Чивас Ригал. Поразмыслив, я достал серебряную чашу-череп и, предварительно протерев лежащими тут же салфетками его изнутри, плеснул туда виски. Я стал листать папку, и каково же было моё удивление, когда я наткнулся, помимо материалов к статье об Ордене «Серебряная чаша», на вырезку из местной газеты со статьёй из криминальных новостей. Там сжато описывался вопиющий случай убийства нескольких крупных криминальных авторитетов и местных чиновников весьма высокого уровня. Всё это связывалось неким тайным братством «Серебряный череп». Суть этого братства, его законы были списаны с устава «Серебряной чаши» средневековой Испании. Конечно, вся философско-религиозная составляющая была изъята. В наше время всё было грубее и проще. Основатель и руководитель братства «Серебряный череп» перестрелял всех прочих его членов, завладев в конечном итоге их бизнесом и имуществом. Шекспировские страсти в Самарской области.

Я ужаснулся, когда, сравнив детали, описанные в статье, мне стало ясно, что ненайденный организатор братства «Серебряный череп» – это и есть Альберт, утончённый коллекционер, удачливый историк, эстет и прекрасный рассказчик. Мне стало по-настоящему страшно. Я был заперт в подвале его дома. И никто не знал, где я нахожусь. Я приехал в командировку на три дня для переговоров с руководством областной Торгово-промышленной палаты довольно крупного регионального центра. Меня слегка стало трясти от жуткой перспективы остаться здесь навсегда. Судорожными движениями я спрятал вырезку их газеты в середину стопки материалов и демонстративно полез смотреть антикварные книги. Время шло, а Альберт не возвращался. Ужас овладевал мною медленно, но верно. Я выпил ещё Чиваса, и мне стало плохо. Вдруг шкаф с древними фолиантами поехал от меня в сторону, издавая страшный скрип. Повеяло сыростью. Я понял, что за шкафом скрывается дверь. Я заглянул туда и вздрогнул. Передо мной стоял испанский гранд в узких панталонах, подбитых ватой, и облегающей изумрудного цвета куртке хубоне, расшитой золотой нитью.

Сняв шляпу, гранд учтиво поклонился и заговорил по-испански.

– Экскьюз ми, я донт андерстанд ю, – в ужасе залепетал я, почему-то перейдя на английский.

Гранд дико расхохотался.

– А надо бы испанский знать, милейший! – произнёс он, сдерживая смех.

Я тут же узнал переодетого Альберта. Я не большой знаток ненормативной лексики, но весь запас моих знаний был сформулирован в нескольких эмоциональных фразах.

Мы прошли в столовую, где ещё выпили коньяка, после чего Альберт проводил меня к моей спальне.

– Благодарю вас за прекрасный вчерашний вечер, Альберт! Я надолго его запомню!

Я церемонно раскланялся и покинул столь гостеприимный дом.

По дороге домой я всё думал о той статье. Неужели это Альберт? Зачем он так беспечно хранит эту статью. Может, это был розыгрыш?

2018

Гречневая каша

Ладони потели, а кончики пальцев тряслись почти всегда, когда я один выходил на нашу кухню. Я знал, что здесь стоят чужие и враждебные мне кастрюли и столы. За ними могли сидеть улыбающиеся люди, но красная кнопка опасности готова была в любой момент замигать, предваряя истошный звук тревоги, проникающий в самый желудок. Но я вынужден был появляться на кухне, меня гнало туда чувство голода и какая-то неумолимая страсть, и сила, которая подталкивает к краю пропасти иного человека, оказавшегося там случайно или в силу обстоятельств. Тёмные мысли и противоречивые желания, как жирные жуки, возились в моей голове, голове тринадцатилетнего мальчика, стоявшего на пороге полового созревания.

Больше всего я боялся её – Капу Яковлевну, «старуху» лет сорока, умевшую обездвижить меня, парализовав волю, одним только взглядом, устремлённым на меня, проникающим в мою подкорку, даже если я не смотрел на неё, а был лишь в радиусе её внимания. И я изо всех сил старался избегать этого взгляда. Её чёрные глаза были огромны, чуть навыкат и всегда влажны. Казалось, что она вот-вот заплачет или засмеётся, истерично заламывая руки, как она это делала не раз в присутствии соседей. Я помню, что недавно видел в кино, как рабовладелец с юга Америки отхлестал свою рабыню за какую-то мнимую провинность. Актёр делал это явно не по-настоящему, и рабыня притворно рыдала и фальшиво, на мой взгляд, молила о помощи, целуя его руки. Но на меня это произвело настолько мощное впечатление, что я на секунду даже лишился сознания, а очнувшись, увидел окружающий меня мир в пульсирующем едва розоватом свете.

Так вот, в определённый момент я вдруг отчётливо понял, что хочу отхлестать Капу Яковлевну так же, чтобы она рыдала, умоляя меня о пощаде, и при этом стремилась поцеловать мою руку. Мне было страшно от этого желания. Я понял, что оно вселилось в меня, как только я увидел её в первый раз и услышал её вкрадчивый и ехидный голос, обволакивающий мой разум: «Какой хороший мальчик. Надеюсь, ты скоро научишься смывать за собой в туалете». Она сощурилась по-змеиному и улыбнулась, потрепав меня по щеке. Мне показалось это унизительным и приятным одновременно. Тут же захотелось сказать дерзость и спровоцировать продолжение нашего диалога. Встреча произошла рано утром. Было заметно, что Капа Яковлевна ещё не совсем проснулась, столкнувшись со мною в коридоре. Она была в красивом шёлковом халате и говорила всё это мне на ухо, чуть склонившись надо мной. Я услышал едва уловимый аромат её духов, смешавшийся с утренним запахом её тела. У меня сразу закружилась голова. Капа Яковлевна была выше меня на голову, и как раз на уровне моих глаз оказалась её грудь, которую я воспринимал отдельно от её владелицы. Мне даже показалось, что это экзотическое животное примостилось на теле женщины и создавало ощущение обволакивающего покоя и скрытой опасности одновременно.

Потупив глаза, я чуть слышно ответил, что привык мочиться на пол и ещё не умею пользоваться туалетом. Я говорил тихо, но так, чтобы она это услышала. Капа Яковлевна улыбнулась, дав понять, что услышала и оценила мою шутку. В ответ она тихо прошептала: «Маленький шалунишка».

Капа Яковлевна никогда ни с кем не ругалась, но её все боялись. Она несколько раз устраивала, как утверждала моя мама, «сцены из репертуара провинциального театра» с сардоническим хохотом и жутковатой мимикой. Это производило на зрителей сильнейшее впечатление.

Я заметил, что когда Капа Яковлевна оказывалась на кухне одновременно со мной, то на ветке дерева, росшего на улице точно напротив нашего окна, всегда появлялся огромный ворон, который внимательно наблюдал за нами. У него были такие же огромные умные, влажные и бесстыжие глаза, как и у Капы Яковлевны. Это, конечно, добавляло мне страха. И казалось, что они заодно и, скорее всего, ворон находится в услужении у моей соседки.

Капа Яковлевна, когда мы встречались один на один, всегда изъяснялась малопонятно для меня. Я видел её раскрывающийся рот, а когда были перебои с отоплением, то замечал пар изо рта, но звуки не облекались в слова и мысли. Я напряжённо следил только за её глазами и грудью, ощущая исходящую от них повышенную опасность.

Как-то столкнувшись со мной у порога кухни, Капа Яковлевна остановилась напротив меня и опять стала что-то говорить мне своим низким с хрипотцой голосом, от которого в районе солнечного сплетения у меня распрямилась таинственная спиралька, лишившая меня здравомыслия. Я понимал, что выгляжу мелким идиотом, но не мог ничего ответить, так как не понимал её слов и был парализован её взором.

«Я не трус!» – хотелось крикнуть мне. Но моей отваги хватило только на то, чтобы отвернуться от Капы Яковлевны и посмотреть в окно. Я опять увидел там ворона, который напряжённо наблюдал за нами, сидя на той же самой ветке. На этот раз он понимающе глядел на меня, будто хотел поддержать. Я вскинул голову и решительно взглянул прямо в глаза Капы Яковлевны.

– Представляю, какая у тебя в голове гречневая каша, – с улыбкой на лице прошептала она.

Мой взгляд упал на конфорку газовой плиты, стоявшей в углу кухни. Там я заметил кастрюлю, полную гречневой каши, которая принадлежала соседке. Мне вдруг стало смешно. И тут же, будто по команде, в меня вселилась дерзкая сила варяжских берсерков, о которых я тогда с увлечением читал. Я почувствовал себя вождём отряда викингов, только что захвативших вражеский город. Неожиданно для себя я зарычал и вцепился зубами в пышную грудь Капы Яковлевны. Она вскрикнула совсем по-птичьи и вдруг замолкла, обхватив мою голову своими руками, прижимая её к своей груди. Я не сразу понял, хотела ли она меня задушить или остановить моё хищническое нападение. Пока она прижимала меня к себе, мне казалось, что её грудь проникает ко мне в уши, рот, глаза, растекаясь по всему моему телу сладковатой густой жидкостью. Я боялся, что, проникнув в мозг, эта субстанция поработит мою волю, окончательно превратив меня в зомби или голема. О, как мне хотелось тогда, чтобы мой рот был измазан кровью после укуса, которая медленно стекала бы по уголкам рта на подбородок двумя неравномерными струйками, а далее за пазуху, устремляясь к паху, приятно щекоча моё разгорячённое тело! Но вдруг всё кончилось. Моё наваждение улетучилось. Я с силой вырвался из страстных объятий Капы Яковлевны. Никто ещё так беспомощно, растерянно не наблюдал за мной, как она в этот миг. И это доставляло мне истинное наслаждение. Я торжественно подошёл к кастрюле с чужой кашей и стал жадно её есть. Ворон за окном удовлетворённо взмахнул крыльями и улетел.

2018

Маленькая капля на кончике носа

Странно, что всплыло это в памяти, хотя столько лет прошло… Я тогда ещё жил в Москве. Ехал я как-то в метро и приметил склонившегося над гаджетом молодого и симпатичного парня. Выразительное лицо парня украшали огромные карие глаза, пышные дреды и многозначительная полуулыбка Будды. В момент, когда он попытался что-то написать в смартфоне, на кончике его носа собралась крупная капля, грозящая оросить мерцающий экран последней модели айфона. Парень был ладно сложен, и многочисленные татуировки с философским подтекстом украшали его мускулистые руки. Мне стало так горько и обидно за него, за красавца с умными глазами. Настолько я расстроился, что чуть не заплакал. Ты же помнишь, что я был всегда излишне эмоционален. Было заметно, что парень если и не страдает нарциссизмом, то знает себе цену. И я понимал, что, укажи я ему на эту подлую и неуместную каплю, даже незаметно, шёпотом, он расстроится ещё сильнее, поняв, что многие уже приметили этот афронт, так явно разрушающий его образ красавца и умника. А так теплилась у меня всё же надежда, что никто не заметит эту каплю, пока она быстро скатится на экран. Я очень переживал из-за него ещё и потому, что вот так, подчас упиваясь собою, мы не замечаем капельку на кончике носа, которая незаметно и предательски призывает окружающий мир к усмешке над нами.

Саша сидел напротив меня, поблёскивая в полумраке линзами своих старомодных очков. Его голос заглушал рёв шторма, рвущегося в нашу маленькую круглую комнату через овальные окна с толстенными стеклами. Казалось – ещё один удар волны и нас унесёт в открытый океан. Но удивительно, что я чувствовал здесь себя очень комфортно и уверенно, несмотря на разгул стихии. Думаю, что и Саша выбрал этот маяк своим жилищем не просто так. Ему тоже нравился округлый и уютный аскетизм этого пространства, стоящего на страже суши… или, наоборот, на страже океана перед агрессией суши.

Пока мы беседовали, океан, казалось, хотел поглотить нас, как второй завтрак. На первый он слопал лодку и одинокую скамейку у маленького причала. Пена океанских волн с шумом омывала наши окна, вселяя трепет в наши сердца. Саша потом рассказал, что примерно раз в год приходится устанавливать новую скамью и менять повреждённое оборудование. Местная жунта[5] даже закладывает эти расходы в годовой бюджет.

– Знаешь, Саша, я чувствую себя, сидя здесь во время этого шторма, как на тарзанке, в детстве. Хочется раскачиваться всё сильнее и сильнее, несмотря на охватывающий ужас возможного падения в мутную жижу замусоренного пруда, но переживаешь настоящий восторг. Этот коктейль чувств охватывает тебя целиком, отчего начинает приятно покалывать всё тело. Я только сейчас обрёл рецепт истинного восторга. Готов поделиться – математически просчитанная абсолютная безопасность, на фоне нарастающего хаоса стихии, когда эмоционально допускаешь, что ты уязвим, а стихия всесильна, но безопасность просчитана. Вот рухнут стены этого маяка, и пучина морская… – я не успел закончить, как Саша снял очки и, сощурившись, будто хотел рассмотреть меня получше, заметил:

– Я вчера опять её видел. Она сидела в кафе и потягивала свой любимый латте. Правда, выглядела она лет на сорок моложе. Я дважды проходил мимо и каждый раз кивал ей. Она делала вид, что мы не знакомы. Вот всю жизнь так. Если уж обидится на меня, то молчать, не замечая меня, может целый месяц. Я схожу с ума, кажется. Но я знаю точно, что это она. Родинки, манера носить платки и тому подобные детали выдают в ней мою Любу. Вот бесит меня это. Спрашивается – зачем все эти игры? Я ведь могу и замену ей сыскать! Ты же знаешь, что бабы меня обожают. Года полтора назад меня на руках семь шведок выносили из кафешки

[5] Жунта – исполнительный орган прихода, избирается тайным голосованием ассамблей из числа её членов.

после моего очередного триумфа. Но я всё время возвращался к ней. Она же не ценила этого никогда, понимаешь ты?! – Саша перешёл почти на крик.

– Прошу, успокойся! Сколько раз мы обсуждали это. Пойми, старческая любовь не должна вызывать сильные эмоции, ибо это удел молодых и половозрелых, а не перезрелых ипохондриков. Старики должны источать умиление и фонтанировать цитатами акмеистов начала двадцатого века. А ты, прости за резкость, хотя бы одно стихотворение прочитал мне на сон грядущий? Слезливо описал ли ты мне плавный перелёт стаи гусей на фоне алого заката? Нет, Саша, ты погружаешься в бездну своих болезненных фантазий, как золотарь, жаждущий найти в выгребной яме утерянный партбилет стареющего «едроса», – сказав всё это, я рассмеялся, надеясь вызвать улыбку и у Саши, своего старого приятеля, которого приехал навестить и поддержать в трудную минуту. У него умерла жена. Они жили здесь последние лет пятнадцать, на чужбине, за тысячи километров от Москвы, где мы все и родились. С женой они часто ругались и спорили по всяким глупым поводам, но смерть её он воспринял настолько болезненно, что, кажется, немного тронулся умом. Теперь, по прошествии уже месяца после смерти жены, Саша стал её встречать в местной деревушке, отстоящей от маяка и причала километрах в трёх. Саша не просто любил захаживать на утренний капучино в местное кафе, но он там дважды в неделю выступал в качестве певца и музыканта. Жена его, Люба, это не одобряла, рассматривая это как старческое чудачество и бессмысленную трату времени. Саша упрямился и, признавая, что кофе там делают отвратительно, продолжал туда ходить, утоляя не утолённое с молодости тщеславие и просто назло Любе. И вот Люба умерла. Села отдохнуть на лавочке у причала и, тяжело вздохнув, закатила глаза, чтобы покинуть Сашу навсегда. Поначалу Саша был собран и достойно проводил жену в последний путь. Но по прошествии нескольких дней по ночам стал вести с женой нескончаемые диалоги. В чём-то он убеждал её, о чём-то спорил, впрочем весьма доброжелательно. Но при этом Саша перестал спать. Он не спал недели две, после чего позвонил мне по WhatsApp, рассказав о своих бедах. Я прилетел через две недели. За это время Саша научился спать по несколько часов, но за этот подарок расплатился тем, что стал встречать свою умершую Любу наяву. Эти встречи уже произошли несколько раз в том самом кафе с мерзким кофе и чудесным усатым хозяином заведения, который каждое Сашино посещение сопровождал комплиментом в виде национального десерта «Паштель де ната». Саша с аристократическим достоинством кивал головой, ел десерт и пел сочным баритоном, заставляя вздрагивать задремавших посетителей преклонного возраста. Пел он, конечно, не за десерт, а по причине чувства жажды признания и успеха, чем на протяжении всей своей жизни похвастать не мог. Конечно, определённое признание своим талантам Саша получал, но в основном среди тех, кто лично знал Сашу. И поэтому дважды в неделю Саша пел, играл на гитаре, пил дурной кофе и ел бесплатный десерт. Надо заметить, что у него был прекрасный голос и обширный репертуар. Когда я приехал, не зная ещё, как найти этот маяк, где они с Любой жили последние годы, я случайно забрёл, сойдя с автобуса, в то самое кафе и обомлел, услышав прекрасный Сашин голос:

– Не для меня-а-а-а-а придёт весна,
Не для меня Дон разольётся.
Там сердце девичье забьётся
С восторгом чувств – не для меня.
И сердце девичье забьётся
С восторгом чувств не для меня.
Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает,
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Саша обладал уникальным голосом – он мог органично исполнять песни как тенором, так и баритоном. Это было поразительно. В кафе даже приходили специально его послушать. Саша посещал это заведение каждый день, но пел только по вторникам и пятницам после обеда. Его репертуар поражал разнообразием – это был и фольклор, и русский романс, и шансон… И каждое исполнение он завершал переводом на не очень хорошем английском содержания исполненных песен. Посетители неистово аплодировали, и подозреваю, что не очень-то понимали Сашу. Песни Саша выбирал сентиментальные и исполнял их искренне, со слезой на глазу, что не могло не тронуть сердца простых жителей деревни. Они видели, что поёт Саша от души, и это не оставляло никого равнодушным.

Зайдя впервые в кафе после длительного перелёта, я сначала не узнал Сашу. Он оставался в моей памяти как склонный к полноте моложавый бывший спортсмен, который старательно следил за собой и своей физической формой. Теперь же я увидел сухого старика с ввалившимися глазами. По его лицу катились слёзы, когда он по-английски пытался пояснить смысл казачьей песни «Не для меня». Учитывая, что среди аборигенов лишь единицы говорили по-английски, а родным для них был португальский, то понимали Сашу в большинстве своём лишь иностранные туристы, которых было здесь в высокий сезон достаточно много. Местные же прежде всего воспринимали Сашино творчество интуитивно, то есть сердцем.

Я подошёл к подиуму, на котором Саша под гитарные переборы исполнял свои хиты прошлых лет, и, громко зааплодировав в конце его песни, закричал «Браво!».

Саша вскочил, обнял меня крепко и долго не выпускал. Так мы простояли минуты две. Посетители кафе, молчаливо внимавшие до этого Сашиному вокалу, загомонили и зашумели.

– Пойдём отсюда, устал я, – произнёс наконец Саша, разомкнув свои крепкие объятия.

Через полчаса мы были уже у него дома, на том самом легендарном маяке. Саша оказался здесь при весьма интересных обстоятельствах. Купив тут маленький домик недалеко от левад, наполнявших живительной влагой все поселения острова, Саша заметил, что его деревенька, нависающая над океаном у крутого обрыва, постепенно съезжает вниз, что являлось следствием эрозии почвы. Это неминуемо через несколько лет привело бы к катастрофе. Местный президент жунты несколько раз писал в правительство с призывами о помощи, но бюрократическая машина работала со скрипом. Месяцы шли, но ничего не менялось. Местный муниципалитет получал ободряющие письма от правительства острова с уверениями о скорой программе поддержки. Тогда Саша и предложил устраивать еженедельный праздник с посадкой деревьев по обрыву. Это что-то вроде израильского праздника Ту би-Шват, когда все жители дружно выезжают на природу и под хороводы любви и радости сажают деревья и прочую флору, о котором Саша знал не понаслышке. Каждую субботу все жители деревушки собирались у обрыва, сажали несколько часов деревья, а потом пели и угощали друг друга заранее приготовленными блюдами, созданными по домашним рецептам. Хорошая мадера, чудесная погода, песни и танцы сделали своё дело. По обрыву появилась лесополоса, люди сблизились, а Саша там впервые и запел, чем привёл всех местных в восторг. Поэтому раз в неделю он и пел в этом кафе. Президент местной жунты был в восторге. На их праздник стали собираться из окрестных селений, а позже приезжать туристы издалека, из разных стран. Праздник стал не еженедельный, а ежегодный. Со временем к празднику проявила интерес и церковь, назначив святого покровителя, которым стала Жасинта Марту, та самая фатимская святая, которая была свидетельницей явления святой Девы Марии в деревушке Фатиме. В благодарность президент местной жунты предложил, чтобы Саша сам определил себе награду. А Саша, потомственный романтик, давно мечтал жить при маяке. Президент выполнил просьбу Саши и добился ставки смотрителя в давно заброшенном маяке, который постепенно разваливался. Саша и Люба решили его восстановить. Вся деревня принялась помогать им. Через полгода маяк был как новенький, а Саша со своей Любой поселились там, отдав свой домик под нужды

фрегезии, то есть местной общине. Там, по инициативе Саши, устроили культурный центр, где Люба читала лекции, а Саша, опять же, пел. Теперь поток интуристов стал ещё гуще. Маяк привлекал любителей экзотики со всех концов мира. Но Саша быстро охладел к своей роли смотрителя маяка, взвалив всё это на хрупкие плечи Любы, которая работала не покладая рук. Люба проводила экскурсии для интуристов на маяке, самозабвенно рассказывая о русской литературе обалдевшим от неожиданности экскурсантам. И невдомёк интуристам было, что русскую литературу Серебряного века Люба любила гораздо больше, чем маяк и все окрестности в радиусе двух тысяч километров. Большинство слушателей уважительно кивали из вежливости, а посетители из России ошалело пытались увязать островную культуру Атлантического океана и русскую словесность начала двадцатого века. Нужно учесть, что Люба в совершенстве знала португальский, английский и испанский. И её рассказы о достопримечательностях острова, маяка и неприметной деревушки произносились на великолепном английском. Это доводило до истерики русскоязычных туристов, пытавшихся понять – отчего англоязычный гид так некстати и самозабвенно рассказывает о русской культуре. Люба так развлекалась. Водя группы посетителей по острову, она надевала маску Арлекина, скрывавшую её лицо, чем повышала градус восторженной интриги до невообразимых высот.

Теперь, думаю, станет ясно, что жизнь моих друзей на острове была насыщенной и содержательной, так что скучать им приходилось едва ли… Постоянные размолвки Любы и Саши были скромной платой за радость бытия. Но всё имеет свой предел. Даже заслуженное счастье тоже имеет свои границы. Люба ушла в мир иной, не попрощавшись с Сашей. Тихо вздохнув на скамейке у маяка субботним вечером, наслаждаясь фантастическим по красоте закатом, залившим алым цветом окрестности деревушки и безбрежные океанские просторы, Саша не сразу понял, что произошло. Осознав уход Любы, он сел рядом с ней и просидел так до самого утра, рассказывая, что любит её самозабвенно. А понизив голос до шёпота, он сообщил бездыханному телу жены, что уход её расценивает, как неоправданно жёсткую форму предательства. Саша мне потом рассказывал, что ему казалось, что Люба согласно кивала ему, давая понять, что полностью разделяет его негодование. Её седые, но пышные волосы блестели серебром под лунным светом, то закрывая, то приоткрывая игриво её лицо. Саша был терпелив и не протестовал против неуместной игривости Любы. Он медленно осознавал, как сильно любит свою Любу. И прощался с ней тяжело и болезненно.

До встречи с Любой Саша мнил себя неотразимым красавцем и завзятым ловеласом. Число его побед у дам ещё в молодости переваливало двузначную цифру. Саша, как многообещающий спортсмен и общественник, вёл даже счёт. И только когда встретил Любу, то убедился в никчёмности этой затеи. Люба стала финалисткой, забравшей себе в качестве трофея так и несостоявшегося чемпиона, но признанного шансонье, который несколько раз успешно даже ездил на многочисленные слёты самодеятельной песни. Саша был милым парнем, готовым помочь друзьям, но любил он всегда только одного человека – себя, упиваясь своими истинными, а не выдуманными достоинствами. Правда, Саша был слишком поверхностен и никогда не ставил перед собой больших целей, несмотря на уйму своих талантов. Их связь с Любой, по мнению общих знакомых, была обречена, так как Люба тоже была эгоцентрична, но в отличие от Саши имела более практичный характер и способна была добиваться своих целей и успешно устраиваться в жизни. К удивлению общих друзей, Саша и Люба прожили вместе тридцать лет. А через некоторое время после кончины Любы Саша встретил её в кафе, где он топил свою печаль в янтарных оттенках местной мадеры и замысловатых руладах, исполняемых с подиума деревенского трактира.

Я слушал эту дикую историю о встрече с Любой в Сашином пересказе и очень хотел поверить ему. Но по трезвом размышлении я понял, что это бред свихнувшегося от горя, стареющего вдовца.

Несколько раз мы приходили с ним в кафе и, естественно, никого там не встретили. Я пытался терпеливо вразумить Сашу оставить свои фантазии. Саша не спорил со мной и, нервно глотая мадеру, тихо икал, отводив глаза в сторону. Так мы прожили три недели. Саша как-то заявил, что я спугнул её, так как Люба ещё при жизни якобы не испытывала ко мне доверия, считая меня закоренелым бабником и эгоистом. Я вяло спорил, не находя убедительных аргументов против этих обвинений, и принял решение уехать через три дня. Горячечный блеск миндалевидных глаз Саши сменился вдруг, после моего заявления о намерении уехать, на холодный и обвинительный взгляд районного прокурора, обвиняющего закоренелого преступника в очередном криминальном деянии.

– То есть, если я правильно понял, ты готов бросить своего друга после всего, что с ним случилось? – спросил Саша ледяным тоном.

– Ладно-ладно, не кипятись… Но ты же сам сказал, что из-за меня ты не можешь теперь видеться со своей помолодевшей Любой. А я не хочу препятствовать вашему счастью.

Саша вскинул свою голову и удивлённо посмотрел на меня.

– Ты прикалываешься, что ли?! Какая Люба?! Ты что, не понимаешь, что я, кажется, слегка тронулся? – слово «тронулся» он произнёс совсем медленно и тихо, будто пробуя его на вкус.

– Брось, ты абсолютно нормален. С каждым может случиться, – я старался быть максимально серьёзным, – во-первых, не слегка, а мощно, во-вторых, я не понимаю, чем тебе помочь. Я, например, в этом счастливом состоянии нахожусь последние пятьдесят лет. И, знаешь, Саша, мне так жить нравится. Так интересней и веселее. Ну вот согласись, принял бы ты смерть Любы, и что дальше – тоска и потеря всяких смыслов существования. Глядишь, руки бы на себя наложил или стал бы вечно всем недовольным старпёром на лавочке. А так движуха! Носишься на свиданки, как двадцатилетний пацан, нервничаешь и всех вокруг заставляешь психовать. Молодец, одним словом! Так держать!

– Иди ты в задницу! – Саша бросил в меня стоящий перед ним бокал. Я увернулся, и бокал со звоном разлетелся на множество мелких осколков.

Мы засмеялись почти одновременно. Саша подошёл ко мне, и мы обнялись.

– Спасибо тебе! Я рад, что у меня есть такой друг. Даже если её нет на самом деле, моей Любушки, я всё равно буду в это верить, понимаешь?!

– Кто бы спорил, Саша?! Я таки – за!! – Мы опять захохотали.

– Пойдём сегодня со мной вместе, и ты сам увидишь всё, если она будет там! – предложил Саша.

– Хорошо, давай сходим, но выпивка за твой счёт! – невинно улыбаясь, ответил я.

– Халявщик. Ты же не пьёшь!

– Ты действительно рехнулся всё-таки. Кто же на халяву не пьёт?

Мы быстро оделись. Саша повязал свой любимый шёлковый шейный платок тёмно-синего цвета в мелкий золотистый горох. Несмотря на свой возраст и несколько высохшую фигуру, он по-прежнему выглядел франтом.

Источая волны парфюма Paco Rabanne, мы решительно отправились в местное кафе, где Саша опять должен был петь и играть на гитаре.

Зал был на две трети заполнен. Было довольно шумно и душно. Я сел за забронированный для друзей Саши столик, рядом с небольшой сценой, после чего принялся изучать посетителей кафе, выдумывая их судьбы и особенности характеров.

Саша взял микрофон в руки и деловито подул в него. Зал притих.

– Знаете, друзья мои, я сегодняшнее своё выступление хотел бы посвятить даме в сиреневом джемпере, сидящей у самого окна.

Все присутствующие дружно повернули головы к окну. А там за бокалом розового вина сидела незнакомка лет двадцати пяти, которая и впрямь походила на Любу как две капли воды.

Правда, эта копия была моложе лет, эдак, на сорок оригинала. Я понимал, что не только похожих, а и двойников природа-матушка, при согласовании с самыми высшим канцеляриями, воспроизводит в изобилии. Хватает всем. И видимо, с этим случаем мы и столкнулись. Но смущало лишь то, что, присмотревшись, я заметил, что дама эта одета по моде семидесятых годов – пика молодости и расцвета их любовной истории. Сапоги на толстой подошве, макияж, кардиган – всё свидетельствовало о том, что где-то работает машина времени. Я даже заподозрил местных знакомых Саши в злом розыгрыше.

Дама удивлённо окинула взором всех присутствующих в зале кафе, давая понять своим видом, что не понимает причин повышенного внимания со стороны присутствующих к своей скромной персоне.

Тогда я, сгорая от любопытства, подошёл к этому загадочному двойнику и решил заговорить первым:

– Простите, сударыня, но вы очень напоминаете одну особу, столь дорогую сердцу нашего исполнителя, что он от нахлынувшего изумления позабыл о своём намерении услаждать наш слух своими соловьиными трелями. Позвольте представиться, меня зовут Виктор. Я всего лишь хотел бы развеять иллюзии моего друга, который столь вожделенно пожирает вас глазами сейчас, – мне казалось, что я настолько был вежлив и остроумен, что моя собеседница должна была бы рассказать немного и о себе. Каково же было моё удивление, когда в ответ на шквал моего обаяния моя очаровательная собеседница, пожав плечами, на хорошем английском ответила, что не понимает, о чём я говорю.

– Пардон, мадам, я полагал, что вы приехали из России, – удивлённо пролепетал я уже на английском, после чего повторил свои реплики на понятном ей наречии.

– Меня зовут Вики, – наконец, улыбнувшись, заметила девица.

Саша, увидев нашу беседу с Вики, пришёл в себя и начал петь. Делал он это, устремив свой полный обожания взор на свою даму сердца. Его мимика и жестикуляция выдавали в нём существо крайне романтическое и восторженное, так что он, можно сказать, не только поравнялся возрастом с Вики, но выглядел теперь моложе её лет на десять.

Вики делала вид или в самом деле не придавала особого значения странному поведению певца. Мы оживлённо с ней беседовали на совершенно разные темы. Я сел на свой любимый конёк и стал философствовать о перспективах духовной и физической эволюции человечества. Вики слушала меня внимательно и делала весьма остроумные замечания.

Неожиданно подошёл Саша и, элегантно поклонившись, решил присоединиться к нам.

– Неужели я так ужасно пою, что сплетни этого ловеласа намного привлекательнее для вас, чем русский городской романс? – разочарованно спросил Саша. – Позвольте представиться – Александр, – без передышки продолжил мой приятель.

– Саша, она ни бельмеса не понимает по-русски. Переходи на латынь или на суахили.

– Мой друг не умеет шутить, но делает это регулярно.

Вики ответила на хорошем английском, что не понимает Сашу, но благодарна ему за великолепный голос и чудесные песни. И ей очень жаль, что она не может понять смысла этих песен.

Саша тут же восторженно уже по-английски пересказал смысл исполненных романсов. Голос его и взор источали каштановый мёд. Вики наконец уловила чрезмерное внимание со стороны Саши и несколько напряглась, недоумённо поглядывая на меня, будто хотела спросить, «а всё ли в порядке с моим другом».

– Если я правильно поняла, то смысл ваших романсов сводится к неразделённой любви и преждевременной кончине некоторых участников любовных треугольников? – остроумно заметила Вики, одарив нас своей милой улыбкой, полной доброжелательства.

Саша помрачнел, так как с трудом переносил циничных и не способных по достоинству оценить его вокальные упражнения людей. Вики тут же осознала свой промах и, поняв, с кем

имеет дело, старательно стала пояснять, что восхищена талантами Саши и очень ценит его романсы. Но поскольку у неё явные проблемы со слухом, то она отдаёт предпочтение высокой поэзии. Саша смягчился и, подняв указательный палец вверх, посмотрел на меня, тихо проговорив по-русски: «Это же копия Любы моей. Это она, я точно знаю. Видимо, благодаря каким-то пространственно-временным флуктуациям, она оказалась здесь, вынырнув из далёкого прошлого!».

Сашино лицо расплылось в улыбке умиления. Мне стало жаль его. И я решил прояснить ситуацию.

– Вики, а скажите, вы родом из этих мест? – спросил я.

– Нет, я из Барселоны. Преподаю литературу и испанский язык в школе. А сюда приехала отдохнуть в отпуск.

– Поскольку, как вы поняли, мы с Сашей прилетели из России, то нам очень интересно, есть ли у вас какие-либо родственники или друзья на нашей родине? Я спрашиваю, так как, если помните, в самом начале сказал вам, что вы похожи на одного очень близкого нам человека.

– Я понимаю, но вроде бы меня ничего не связывает с Россией, к сожалению.

Вики, сказав это, слегка наморщила лоб, прислонив свой указательный палец к губам, будто предлагая нам помолчать, дав ей возможность подумать.

Хотя, знаете, мой один дед жил в России некоторое время. Это было связано с войной. Я уже не знаю каким образом, но он оказался в Советском Союзе и пробыл там несколько лет, а после войны вернулся домой, в свой родной Толедо.

– А может, он в России семью завёл? Это же возможно? – я старательно протягивал спасительные ниточки от Любы к Вики, способные рационально объяснить этот казус.

Вики рассмеялась и сказала, что дед её был известный дамский угодник, что являлось причиной большого количества скандалов и недоразумений, так что вполне возможно, что след его в России мог остаться.

– Вот видишь, возможно, это дальняя родственница Любы, что, полагаю, прекрасно объясняет их сходство, – я пытался рационально объяснить происходящее.

– Ты бредишь, старый! Дальние родственники не могут быть столь похожи. Это и для близких-то невозможно! Я понимаю, если бы ты морочил мне голову двойниками, тройниками всякими… Короче, чудо ты моё, выпей хереса и смирись с тем, что твой гениальный старший друг прав! Как всегда, прав! Понимаешь? – Саша говорил громко и быстро, переходя на истерическую тональность.

Вики не понимала, о чём мы говорим, но, заподозрив неладное в нашем разговоре, стала суетливо собираться прочь из этого заведения.

– Саша, вот ты своим криком спугнул девушку, видишь? И она теперь может покинуть нас навсегда.

В Сашу вселился бес. Он расхохотался, как одержимый.

– Держу пари, что я смогу её соблазнить! Дай мне две, нет, одну неделю, и она будет моя. Я ведь свою Любашу тоже на спор соблазнил. Я ещё о-го-го! Я ещё многое могу. Ну, спорим или струсишь? – Саша сверкал глазами, как безумный. Казалось, что искры сыпались из его глаз от перевозбуждения. Вики испуганно вжалась в стул, на котором сидела, и смотрела то на меня, то на Сашу, видимо ожидая помощи в случае нападения.

– Какой же ты дурак. Да ещё и старый, что осложняет ситуацию. Хорошо, спорим, только успокойся и попытайся говорить тише, чтобы Вики не упала в обморок от ужаса. Со стороны ты выглядишь безумным.

– Так, ты споришь или нет? – неожиданно спокойно, но настойчиво спросил опять Саша.

Я молча протянул руку.

– Давай, старый, безумный развратник, блесни своим донжуанским мастерством! Покори юное невинное сердце этой прекрасной дуэньи! – со смехом проговорил я, надеясь тем самым успокоить Вики и утихомирить Сашу.

Саша внял моим мольбам. Он неожиданно совершенно спокойным тоном предложил Вики пари. Если он угадывает любимого поэта Вики, то она принимает его приглашение отужинать нам всем вместе здесь, в этом кафе. Вики удивлённо вскинула свои огромные красивые глаза. Сначала она недоумённо посмотрела на меня, будто ища поддержки, а после взглянула испытующе на Сашу. Немного помолчав, она с лёгкой улыбкой кивнула в знак согласия.

– Признаюсь, вы несколько напугали меня своим напором, в котором можно было усмотреть нотки безумия, да, простите меня. Но, знаете, если вы угадаете имя моего любимого поэта, то, пожалуй, я соглашусь на три обеда и два ужина за ваш счёт! – сказав это, Вики весело рассмеялась.

Саша, помолчав несколько секунд, прищурился и заговорил тихим голосом:

– Если не ошибаюсь, то сейчас великая и прекрасная Пасхальная неделя, так ведь? Так вот, я посвящаю это стихотворение всем красоткам и чудесной Пасхе:

Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!
Крылатые годы мимо
Проносятся неуловимо.
Я знаю одну старуху:
Когда-то она, по слуху,
Была белокурой, нежной,
Меж девушками блистала;
А нынче самой ей гадки
Былой красоты остатки,
Обвисли на щеках складки,
Как мантия кардинала.
Ах, девушки, что ни делай —
А пасха-то пролетела!

Так думал о Пасхе и девичьей молодости мой любимый поэт Луис де Гонгора-и-Арготе[6]. Согласитесь, прекрасный слог, не правда ли, Вики?

Воцарилась тишина. Казалось, что замолчали даже все посетители в кафе, поддавшись очарованию и музыке стиха, который блестяще исполнил Саша на хорошем испанском. Это поэт, которого ненавидел Лопе де Вега и Франсиско Кеведо, но обожал Сервантес. Он не оставлял равнодушными своих читателей и слушателей.

Вики удивлённо смотрела на Сашу. Несколько человек в зале зааплодировали.

– Браво, Саша! Я и не знал, что ты столь хорошо знаешь испанский! Чьи это стихи? И требую перевода!

– Откуда вы знаете этого поэта?! – уже по-испански спросила явно обескураженная Вики. – Вы его, правда, здорово подсократили, но я удивлена очень!

– Вики, кто выиграл наш спор? Прошу честно ответить на мой вопрос! – Саша был величественен и неприступен как олимпийское божество.

– Да, но как?!! Как вы узнали об этом? Мистика! – уже на английском воскликнула Вики.

[6] Луис де Гонгора-и-Арготе (1561—1627 гг.) – один из наиболее влиятельных испанских поэтов эпохи барокко.

– Видите ли, моя прекрасная леди, это не является предметом спора и предварительных договоренностей. И я оставляю за собой право сохранять это в тайне, – Саша ехидно улыбался, торжествуя свою победу.

– Хорошо-хорошо, пусть будет по-вашему, – Вики явно уже справилась с собственной растерянностью, – можно ли засчитывать этот ужин как один из обещанных мною?

– Хорошо, но при одном условии, пообещайте мне, что один из отведённых мне вечеров мы поужинаем вдвоём, без этого типа. – Саша ткнул в меня своим довольно изящным для бывшего боксёра пальцем.

– Только если ваш друг не обидится и согласится с этим условием! – Вики опять засмеялась.

– Да уверен, что согласится! И даже с некоторым облегчением! Он же скептик и циник и вследствие этого устал от моей восторженности стареющего романтика. Так ведь, друг мой? – Саша смотрел на меня умоляющим взором десятилетнего мальчика, отпрашивающегося с друзьями погулять.

– По поводу цинизма, это ты, брат, конечно, преувеличиваешь! Но в целом вынужден признать твою бесстыдную правоту.

– А кстати, Вики, вы знаете этимологию слова «циник»? – вдруг оживился Саша.

– Я готова выслушать вашу версию! – с улыбкой ответила Вики.

– Всё просто. Как и множество философских терминов, это слово имеет корни в античной Элладе. Помните, существовала такая философская школа киников в Древней Греции? Эта публика пренебрегала многими нормами морали, а её духовным гуру был небезызвестный вам, надеюсь, философ Диоген, который жил в лежащем на боку огромном пифосе, то есть кувшине, а не в бочке, как утверждают дилетанты. Он пренебрегал многими условностями, осложняющими ему жизнь. Помните его знаменитый диалог с Александром Македонским, пожелавшим лично познакомиться с ним и засвидетельствовать ему своё уважение. При их встрече, желая угодить и одарить признанного мудреца и оригинала, Александр задал ему вопрос – что желает сейчас больше всего Диоген? А Диоген ответил ему: «Прошу тебя, отойди немного, ты загораживаешь мне нежное вечернее солнце». Так что, Саша, ты не прав, обижаясь на меня за сравнение тебя с циником. Согласись, Диогеном можно восхищаться за аскетизм и мудрость. Да, а в дословном переводе «киник», ставший сегодня «циником», означает «собаку». Надеюсь, что ты также любишь людей и предан друзьям, как и наши четвероногие братья! – Саша упивался собственным красноречием. Надо заметить, что его речь произвела впечатление на Вики. Она вынуждена была признать образованность и остроумие моего друга. И, думается мне, сердце её стало медленно подтаивать, как мороженое на жаре.

– Угомонись, философ! Не переусердствуй в совращении юных душ, – я с улыбкой взглянул на Вики.

– Не волнуйтесь, это не так просто сделать. И не только потому, что возраст души не всегда соответствует биологическому возрасту. Вы согласны, Сашья? – Вики смешно, через мягкий знак, произносила имя Саши, придавая ему удивительное очарование.

– О-о-о-о, я приятно удивлён, Вики. Так вы верите в реинкарнацию, оказывается? – оживился Саша.

– Христианство не очень-то одобряет подобные взгляды. Но знание – это не есть вера, согласитесь? То, о чём я говорила, я знаю. И это не предмет религиозных воззрений. Впрочем, моё сердце полно веры, но оно касается других аспектов миропонимания.

– Так-так, – я вдруг сейчас осознал, что наша встреча сегодня была предопределена, как и та первая, много лет назад, с Любой. Наши души имеют давнюю историю, вот в чём дело. Саша сменил тон с ироничного на серьёзный. И опять его взор засиял нездоровым блеском, что не могло не насторожить нас с Вики. Но было очевидно, разговор этот уже заинтересовал Вики. Кажется, что она уже даже испытывала некоторую симпатию к Саше.

– Мне пора. – Саша неожиданно и резко встал со своего места со слегка замутнённым взором. Чувствовалось, что голова его занята тревожными мыслями. – Мне нужно кое-что обдумать. – Походкой начинающего лунатика, не попрощавшись, он отправился к выходу.

– Какой странный и необычный человек, – заметила Вики, – киношный персонаж… вот только не пойму, каков жанр этого кино.

Я пошёл проводить Сашу. По дороге к выходу я спросил его, как ему удалось угадать любимого поэта Вики. Он рассеянно посмотрел в окно и задумчиво протянул:

– Эти молодые дурочки думают, что так оригинальны… Смешно, право.

– Ты в порядке? – Я не хотел его оставлять одного, так как было заметно, что Саша немного не в себе. Блуждающий взор, дрожь в пальцах и испарина на лбу свидетельствовали, что Саша сейчас находится в крайне возбужденном состоянии. – Хочешь, я тебя провожу до дома?

– Иди на фиг. Сам справлюсь. Мне надо сейчас побыть одному.

Я вернулся за столик к Вики.

– Думаю, что разыгрывается любовная драма, вы не против такого жанра? – я пытался острить.

– Знаете, посмотреть могу, если не сериал, конечно! А вообще-то я не очень терпима к навязчивым чудакам.

– А сняться в главной роли? – я чувствовал себя сводником.

– Знаете, в таком случае решающую роль играет имя режиссёра и моего потенциального партнёра.

– Что ж, открою секрет – имя режиссёра в некоторых религиозных конфессиях не принято произносить вслух, ну а партнёра вы уже должны были оценить по достоинству!

– Уж не Всевышнего ли вы имеете в виду, говоря о режиссёре?

– Именно! Именно его и имею. Надеюсь, вы не против? Он доказал собственную гениальность ещё с доисторических времён.

– Откуда такая уверенность? Мы финал ещё не увидели. Хороший режиссёр, говорят, раскрывается в финале! – Вики опять засмеялась.

– Знаете, шутя и хихикая, мы перешли к серьёзнейшей онтологической теме. Вы, как мне кажется, атеист. Только не вздумайте говорить о выстраданном агностицизме или деизме – это уже набило оскомину и ныне символизирует скорее отказ от серьёзного осмысления бытия, чем истинное глубокомыслие. Признаваясь в атеизме, если вы не учёный муж, вы отдаёте предпочтение иным способам познания мира, вроде искусства или психологии.

– Ого, а вы злюка! Я, конечно, не собиралась говорить об агностицизме и прочем таком, так как не очень понимаю, о чем вы. Но вы меня раззадорили. Во-первых, меня смешит ваш назидательный тон, во-вторых, я не собираюсь вам ничего доказывать или производить впечатление интеллектуала. Я скромная учительница в колледже. И, да, признаюсь с гордостью, я атеистка и при этом не являюсь доктором наук, и даже просто учёным, за которым вы оставили право быть атеистом.

– Не кипятитесь. Я вовсе не хотел вас обидеть. Просто мне часто встречались снобы, говорящие об отвлечённых материях метафизического характера, ничегошеньки не понимая в этом. Впрочем, никто не вправе запретить нам философствовать, независимо от уровня образования. Только… – я взял небольшую паузу, – если при этом не ломаются стулья и не летит на пол кочерга.

Вики удивлённо посмотрела на меня.

– Что вы имеете в виду под кочергой и стульями? Впрочем, про стулья ясно, а почему именно кочерга?

– Я был свидетелем забавного эпизода, который подчёркивает важность терпимости, – я ухмыльнулся и лукаво посмотрел на Вики, – это реплика относится к вашей нетерпимо-

сти относительно чудаков. Вот вспомнился забавный эпизод на философскую тематику. Представьте – спор в Кембридже, в середине прошлого века, между двумя гениальными философами – Карлом Поппером и Людвигом Витгенштейном. Они схлестнулись о роли лингвистики в философии. Вы же, помнится, лингвист некоторым образом? Не знаю, насколько это интересно вам – я всего лишь хочу произвести на вас впечатление искушённого мудреца. Понимая, что нас разделяет существенная разница в возрасте, мне приходится напирать на интеллект, чтобы соблазнить вас.

– Продолжайте, – снисходительно ответила Вики, игриво улыбаясь.

– Так вот, оба философа, помимо гениальности, вошли в историю как люди крайне эгоцентричные и нетерпимые. В ответ на критику со стороны Витгенштейна Поппер стал аргументированно и иронично возражать, перечисляя философские проблемы, требующие глубокого анализа. Тут следует заметить, что Витгенштейн утверждал, что со всеми проблемами философии он успешно уже разобрался, оставив на закуску лишь своеобразный пазл на ниве лингвистики, который и следует собирать всем философам. То есть он отменил философию как науку, сведя её к лингвистике! Жду ваших аплодисментов. Согласитесь, что это смело? Поппер же стал нудно перечислять реальные философские проблемы, которые не нашли своего решения. В ответ же возбуждённый Витгенштейн свёл их к математике, логике и тому подобному, давая понять, что предлагаемые проблемы не являются философскими, а решаются при помощи иных научных дисциплин. И тут Поппер достал своего козырного туза, коснувшись проблем нравственного характера. Это, очевидно, могло быть исследовано только философами. Витгенштейн, понимая свою уязвимость после этого выпада, был просто разъярён и стал нервно размахивать раскалённой кочергой, потребовав конкретного примера нравственной проблемы. Поппер в ответ ехидно заявил: «Например, не размахивать перед приглашённым профессором кочергой!» Впервые Витгенштейн, растерявшись, выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Поппер торжествовал.

– Это забавно, но не совсем понятно, для чего вы всё это мне рассказали. Вы профессиональный философ? – Было заметно, что Вики явно понравилась моя история.

– Нет, я любитель. И не только в этом. Денег за это не беру, ибо брать деньги за занятие, которое доставляет тебе радость, – это удел единиц, открывающих новые горизонты, а себе в удовольствие ползать по только открытой гениями, но малоисследованной поляне – это прерогатива… добропорядочных бюргеров.

– Мы вообще живём в эпоху любителей, не правда ли? Я только не знаю – радоваться этому или нет. Профессионалов становится всё меньше и меньше. Но любители могут довести до угасания всю цивилизацию.

– Истинных профессионалов, как и двести лет назад, так и пятьсот, всегда было меньшинство. Профи открывают новые пространства, а любители обустраивают их. Всё действительное разумно, всё разумное действительно – кажется, так говаривал старина Гегель? Если обретённое открытие не будет сразу доступно человечеству, то, значит, не пришло ещё время, или не столь уж оно важно. Согласитесь, в моих словах есть логика? – сказав это, я подлил себе немного мадеры в бокал, после чего поднёс его к своим глазам и, взглянув через соломенного цвета жидкость на Вики, произнёс тост:

– За своевременность и разумность!

Вики улыбнулась, и мы выпили.

Когда мы вышли из кафе, наш остров окутала роскошная южная ночь. Огромные звёзды были близко, и казалось, что слышен их хрустальный звон при каждом дуновении ночного бриза.

– А вы знаете, прелестная Вики, что ночной бриз дует с берега в сторону моря, а дневной всегда наоборот? И при этом ночной бриз, раскачивая, заставляет звёзды звенеть здесь так, что чудится знакомая мелодия «Ах, мой милый Августин».

– Нет, – сказала Вики и резко остановилась, приблизив своё лицо вплотную к моему, – вы всё врете. И делаете это только с одной целью – понравиться мне, чтобы потом затащить в постель. Все самодеятельные философы-любители предсказуемы, как погода в пустыне Сахара.

Вики говорила всё это ровным, спокойным голосом, почти равнодушно разглядывая мои глаза. Её возбуждение выдавало лишь учащённое дыхание. Я чувствовал запах замысловатого коктейля из её духов и выдержанной мадеры. Это вызывало у меня откровенное омерзение. Мне захотелось домой, но во мне проснулся охотник с хищным прищуром глаз и непослушной чёлкой, развевающейся на ветру. Я уже видел свою дичь, и меня нельзя было остановить.

– Вики, вы слишком самонадеянны! Хотя надо признать, что самые отчаянные умники и являют образец самонадеянности, – я уверенно шёл по следу.

– Ох, наверное, вы сейчас воображаете себя успешным охотником, который уже взял на мушку свою дичь? – Нужно было отдать должное её проницательности.

– Вики, я переболел этим уже к 25 годам. Философ-любитель созерцает, а не выслеживает. – Сказав это, я нежно взял её за талию. – Ко мне нельзя, там обезумевший Ромео нас будет поджидать с окровавленным ятаганом. Я знаю здесь небольшой отельчик, где есть чудные номера с видами. Берём? – Я был изрядно навеселе, и мне казалось, что противоречить мне может только сумасшедший.

– Седина в бороду – бес в ребро? А как же проверенная годами мужская дружба? – Вики улыбалась, но я читал в её глазах похотливый блеск.

– Вики, вы дама с отменным вкусом, я это понял, поговорив с вами несколько минут. Так зачем же вы объясняетесь со мной репликами из самодеятельной пьесы провинциального театра?

– Не важничайте, сеньор! Я таким, как вы, место в транспорте уступаю! – Вики неожиданно произнесла эту фразу по-русски.

Я хоть и был пьян, но чуть не поперхнулся, услышав родную речь. Я виду не подал, но пытался понять, кто же эта загадочная Вики, притворяющаяся гражданкой Португалии. Она была не настолько пьяна, чтобы позабыть, что представилась учительницей из Синтры. И зачем ей притворяться? Я был несколько растерян, но вида решил не подавать.

– Вы, мой свет, неотразимы.
Потому-то, ангел мой,
против воли вы любимы
всеми, в том числе и мной.
В вашей воле, дорогая,
никого не полюбить,
но любить вас больше рая
вы не в силах запретить.

Я решил повести последний решительный бой.

– Какой негодяй! Вы – старый развратник и похотливый ловелас! – со смехом сказала Вики. – Это же Хуан де Мена! Не буду утверждать, что он мой любимчик, но был весьма куртуазен и популярен при дворе. Откуда вы знаете испанскую средневековую поэзию?

– Мои предки из марранов, испанских евреев, проживавших там ещё до прихода древних римлян. Одно время я даже учился на факультете романо-германской филологии именно из-за испанской поэзии, которую обожаю.

Мы отправились в сторону отеля. Я нежно поддерживал Вики за талию.

– Всё-таки удивительное совпадение. Я тоже люблю давно испанскую поэзию. Я было подумала, что вы просто таким изысканным способом обольщаете меня, но заранее подгото-

виться к нашей встрече вы же не могли… Впрочем, – Вики игриво погрозила своим пальчиком прямо у моего носа, – с вас станется, стареющий бонвиван. Может, вы маньяк и преследуете меня прямо с аэропорта. Слушайте, а может, я являюсь вашим идеалом во плоти? Вики заразительно захохотала пьяным смехом, который мне совершенно не понравился. В нём чувствовались вульгарность и истерические нотки. Моя тревога усилилась, так как я интуитивно почувствовал в ней опасность. Но, с другой стороны, это подстёгивало мой охотничий азарт. Мы подошли к одному из двух отелей, принимавших гостей нашей деревни. У него было характерное название «Морская интрига». Отель был построен из типичного для Мадейры материала – базальта. И казалось, что принимал гостей уже лет двести как минимум. Вокруг отеля все было чистенько и очень ухожено. Был разбит небольшой садик с экзотическими фруктами и цветами. Оказавшись в отеле, напоминающем крохотную гостиницу времён викторианской Англии, мы увидели скучающего портье с осунувшимся и добрым лицом сельского падре, с нетерпением ожидающего местных прихожан на исповедь. Не задавая лишних вопросов, но с отеческой улыбкой всепрощающего духовника, портье получил оплату за одну ночь и дал нам ключи, после чего сразу же потерял к нам всякий интерес. Мы оказались в маленьком номере на втором этаже, откуда открывался фантастический вид на океан и горы. Моя настороженность притупилась от открывшихся видов, и я стал наслаждаться настоящим моментом, к чему был плохо приспособлен ещё с юности.

– Ого, – воскликнула Вики, – я согласна здесь провести год и три месяца. И даже вы не сможете меня отговорить.

Я молча подошёл к Вики со спины и нежно обнял её за плечи.

– Давай помолчим, – прошептал я на ухо Вики.

– Я молчу в обществе мужчины только в трёх случаях: когда слушаю его красноречивые комплименты, когда нахожусь в его страстных объятьях или когда рассматриваю подарки, – так же тихо ответила Вики.

Мы постояли в абсолютной тишине, столь непривычной для моего московского уха.

Вики резко повернулась ко мне, освободившись от объятий, и строго спросила:

– У нас есть что-нибудь выпить?

– Всё-таки возраст и опыт стареющего бонвивана имеют некоторые преимущества при общении с молодыми инженю, – лирически заметил я, доставая из кармана плоскую фляжку Hennessy.

– Приятно иметь дело с опытным мужчиной, – улыбнулась Вики.

Мы приложились по очереди к фляжке, и я заметил, как Вики резко опьянела.

– Не бывает старых ухажеров, бывает мало коньяка, – на грани вульгарности пошутила Вики, – я пошла в душ!

Неуверенной походкой Вики поплелась в сторону душевой кабины. Вдруг раздался приглушённый звонок телефона. Вики его слышать не могла, так как принимала душ. Я снял трубку, и, услышав женский голос, испугался, и нажал кнопку сброса. Меня разобрало любопытство, и я решил покопаться в её гаджете. Каково же было моё удивление, когда я увидел переписку Вики. Даже в некоторой степени опьянения я сумел понять, что объектом повышенного внимания Вики является брат моего друга Саши. Яков, а именно так звали брата Саши. Из переписки Вики с неким господином под именем Ус следовало, что Вики оказалась здесь не просто так. Мне показалось, что этот интерес может быть продиктован только интересами спецслужб России! Яков был известным учёным, возглавлявшим один из крупнейших научно-исследовательских институтов России. Его персона привлекала всеобщее внимание, так как Яков, помимо своей гениальности, был харизматичным и остроумным оппозиционером с либеральным уклоном. Его, конечно, давно бы сняли с этой должности, но его авторитет в научном мире не позволял это сделать быстро и безболезненно. Он прекрасно знал, что находится под неусыпным контролем, о чём сам рассказывал во время многочисленных

застолий, в которых я участвовал на правах друга Саши. Так, судя по переписке из смартфона Вики, выходило, что на Сашу, по мнению господина Уса, должны были скоро выйти западные спецслужбы с предложением о сотрудничестве, подкреплённые сильными аргументами морально-этического характера. Допускалось давление со стороны родных. Саша и Яков очень любили друг друга. Они вместе пережили немало серьёзных испытаний в юности, что, естественно, ещё сильнее их сблизило. И видимо, Саша мог стать, по мнению наших спецслужб, важнейшим рычагом давления на Якова, которого должны были скоро начать вербовать. Вики хотела понять, как будет себя вести Саша во время предполагаемой вербовки. И главной задачей Вики, как я понял, была вербовка Саши, а при благоприятном развитии событий и Якова. Правда, меня смущало два важных факта: первое – почему переписка Вики не шифровалась и была столь доступна? Это совсем не похоже на работу спецслужб. Второе – почему Вики пошла со мной, а не соблазнила Сашу, учитывая его любвеобильность и привлекательность? Тем более Саша сам этого хотел. Почему она напилась и проводит вечер со мной, а не с Сашей? Может, здесь идёт ещё более сложная игра, смысла которой я пока не понимаю? У меня выступил пот на лбу от напряжения. Я сфотографировал отдельные пассажи из переписки Вики на свой гаджет и решил проверить притихшую Вики.

Зайдя в ванную комнату, я обнаружил наверху, под самой молнией её сумки, маленький предмет, длиной с указательный палец, похожий на брелок. Это была удивительно тонкой работы безделушка в виде спирали ДНК, сделанной скорее всего из стекла, но очень тяжёлого по весу. Я сразу отметил про себя, что стекло не может столько весить. Внутри прозрачной спирали мерцал странный огонёк в виде загадочного символа. Он источал мерцающий свет. Я схватил эту вещицу и спрятал в карман, надеясь спросить при появлении Вики, что это такое. «Наверняка шпионские штучки», – подумалось мне.

Я тоже был изрядно навеселе и не особо отдавал отчёт своим действиям. Вики мирно спала, выставив из пены переполненной ванны только своё лицо и острые коленки подростка. Первая мысль, которая пронеслась у меня в голове, – незаметно уйти, но я прогнал эту мысль. Вики была всё-таки красива, а я ещё был не настолько стар, чтобы ретироваться, не добившись взаимности с её стороны. И наконец, какова интрига? Настоящий детектив. Меня это заводило чрезвычайно.

Убедившись, что она спит, я бережно взял молодое и красивое тело Вики и понёс в спальню. Её тело было миниатюрным и напоминало небольшую фарфоровую куклу. Эту схожесть усиливал безжизненно-бледный цвет кожи Вики. Маленькая грудь была как у подростка, и её забавные соски безжизненно-фиолетового оттенка с вызовом взирали на этот мир в противоположные стороны под углом в сорок пять градусов, отчасти напоминая строгий взор нашего национального оберега византийского происхождения, то есть двуглавого орла. Поразительно, но, столкнувшись с таким видом патриотической символики, у меня стали просыпаться отцовские чувства, вытесняя столь родные мне инстинкты охотника-мачо. Я бережно положил её на постель и молча стал рассматривать её очаровательную внешность. После душа её лицо, избавленное от каких-либо следов косметики, оказалось усыпано веснушками. Огненно-рыжие волосы, собранные в начале нашей встречи в пучок, рассыпались по подушке. Маленький носик-кнопочка ещё больше придавал сходство с куклой. Теперь, и это было очевидно, она совершенно не походила на Любу. Мне захотелось её пощекотать, но я понял абсурдность своей затеи. Вдруг Вики открыла глаза и пристально уставилась на меня, явно соображая, где она находится и с кем.

– Предупреждая безумные вопросы выпавшего из действительности алкоголика, сообщаю, что сейчас ты в компании стареющего ловеласа, который не успел ещё воспользоваться твоим беспомощным состоянием, а всего лишь возжелал тебя пощекотать, – мне казалось, что мой юмор был уместен и достаточно лёгок, чтобы не обременять воспалённый алкоголем мозг Вики.

– Может, ты извращенец? Что ты пялишься на меня? – довольно грубо проговорила Вики, отнюдь не смущаясь, так как лежала по-прежнему совершенно голой передо мной.

– Не груби, детка! Я могу уйти, если ты не в духе… Однако как изменился твой тон. Куда пропало очарование лингвиста-преподавателя, обожающего испанскую поэзию? – Я был удивлён.

– Испугал ежа голым задом, – вдруг опять перешла на русский язык Вики.

– О, ты, оказывается, полиглот? В совершенстве владеешь русским? – я сохранял серьёзный вид.

– Да, а ты только сейчас понял? Что ты стоишь как швейцар в ожидании чаевых? Ложись рядом, – проговорила Вики равнодушным тоном.

Я плюхнулся на кровать рядом с ней.

– А ты не хочешь рассказать, кто ты на самом деле? И какие цели преследуешь? – Я многозначительно и загадочно улыбнулся, давая понять, что знаю о ней больше, чем говорю.

– А не боишься потерять сон, дорогуша? От чрезмерных знаний болит голова и теряется покой. Слышал об этом? – Было заметно, что Вики стала трезветь.

– Ты русская? – я решил спросить в лоб.

– Нет, – равнодушно ответила Вики, – и тебе не советую!

– Поздно, я уже втянулся, если не по крови, то по культуре уж точно! – я решил поддержать шутку Вики.

– Знаешь, я вот понять хочу, ты для чего плюхнулся со мной в кровать? Тебе важнее определить мой культурно-этнический код или вкусить прелесть молодого женского тела? Я вот всегда, ещё со школы, отдавала предпочтение дядькам в возрасте, частенько их похотливые взгляды и двусмысленные комплименты приводили меня в возбуждение. – Вики, уже не стесняясь, окончательно перешла на русский язык.

Я натужно рассмеялся, пытаясь скрыть смущение. В отличие от меня десятилетней давности, мне уже важнее было провести с ней поединок страсти и ума, нежели просто овладеть физически. Поразмыслив, я навалился на неё всем телом. Она равнодушно отдалась мне, сдержанно реагируя на моё рвение. Минут через двадцать, утолив свое вожделение, я решил продолжить нашу болтовню.

– Ты не задумывалась, отчего тебя тянуло к старпёрам? Тебе не хватало отца. Всю жизнь мать выбивалась из сил, поднимая тебя. Ты с ней ругалась, ненавидела её и мечтала об отце. Многие твои подружки, к которым ты приходила в гости, имели любящих отцов. И ты завидовала им. А секс – дело десятое для тебя, признайся!

Вики отстранилась от меня и молча стала изучать моё лицо, пока я нежно поглаживал её упругое тело.

– Ты глуп, но очарователен. Это я умею ценить, – закусив губу и постанывая, прошептала Вики, – неплохо можешь развлечь.

Удивительно, но в начале нашего страстного соития мне почудилось, что она девственница. Слишком тяжело всё проходило. Её мимика, звуки, которые она издавала, говорили о её неискушённости и некотором дискомфорте. Даже то, как она пыталась всё это скрыть, говорило о том, что секс для неё – это нечто новое и ошеломляющее.

И я старался быть чутким и нежным.

Наконец, закатив глаза, Вики издала дикий вопль радости, от которого у меня мурашки восторга и гордости побежали по спине. А потом, резко выскочив из кровати, подбежала к открытому окну и заголосила:

– Help me! Help me!!!

Я ошалело наблюдал за этим, будто парализованный. Мне казалось, что я смотрю какое-то кино. Алкоголь ещё не успел выветриться, и события, которые я наблюдал, казались мне сном.

Через какое-то время дверь распахнулась, и в комнату вбежал тот самый усатый портье, который, подозреваю, и был владельцем этого отеля. Он прытко подбежал к Вики и нежно накинул ей на плечи простынь, прикрывая её наготу. Я даже заподозрил, что он с ней заодно! Вдруг вспомнилась любимая комедия «Бриллиантовая рука», где главный герой, попав в лапы коварной соблазнительницы, также оказывается в беспомощном состоянии в одном из отелей курортного городка. Схожесть этих сюжетов рассмешила меня, и я захохотал как сумасшедший, закатываясь и подёргивая ножкой. Моя реакция привела в полное изумление Вики и портье. Они молча наблюдали, как я корчусь от смеха.

Наконец, умолкнув, я осмотрелся по сторонам. Вики любезно поблагодарила портье и попросила его оставить нас, для того чтобы она смогла одеться. После чего пообещала ему спуститься, чтобы вместе с портье вызвать полицию. Портье недоумённо развёл руки и неспешно покинул номер, осуждающе покачивая головой.

– Ну что, любитель нимфеток, ты понял, что окунулся в дерьмо по самые уши? Это чистой воды изнасилование! Твоя живительная влага уже во мне, что доказывается легко. Так что статья, по которой ты сядешь, будет не самой симпатичной даже среди марранов-маргиналов.

Я окончательно протрезвел. И самообладание вдруг вернулось ко мне.

– Зачем тебе всё это и что ты хочешь? – спокойно спросил я, стараясь подавить накатывающую злость и отчаяние.

– Вот таким ты мне нравишься больше. Конечно, мы можем найти выход, но только при одном условии – ты должен помочь мне в одном деле, связанном с твоим другом. Я знаю, что он тебе доверяет как никому. Ты должен убедить его начать сотрудничать со мной. Ты видел, что он без ума от меня, так что это сделать будет не так сложно.

– Но если он и так без ума от тебя, как ты говоришь, то зачем тебе я?

– Ну, согласись, твой дружок человек взбалмошный и непредсказуемый. И я просто хочу быть уверена, что у меня сильные союзники. Думаю, что это очевидно.

– Мне ясно, что требуется от меня, но что тебе надо от него? – спросил я, уже догадываясь о сути претензий Вики и её сообщников из спецслужб.

– Ты ведь слышал расхожую мысль о многом знании, сокращающем жизнь? Так вот, тебе пока достаточно знать то, что мы работаем во благо интересов отечества! Понятно? – Вики произнесла это почти торжественно.

Я опять ухмыльнулся.

– В принципе в тебе достаточно дурости, чтобы говорить об этом серьёзно! Мне всегда интересна была психология матёрых патриотов. Я далёк от мысли, что патриотизм – последнее прибежище негодяев, как говаривал Лев Николаевич Толстой и Самуэль Джонсон. Но патриотизм, которым ты хочешь заразить меня, – это скорее профессиональная болезнь, то есть болезнь, за которую платят деньги, или сопутствующее заболевание, основанное на глупости. Я верю в патриотов небольших этносов, бьющихся за самое своё существование, или цивилизаций, находящихся в кольце врагов. Но, милая моя, чем питается твой патриотизм? За счёт чего выживает и заставляет делать подлости с другими людьми?

– Слушай сюда, папик! Ты мне говоришь о глупости, хотя из-за собственного идиотизма можешь загреметь в местную сельдь, она же тюрьма, лет на пять минимум. Это уже не шутки.

– Хорошо-хорошо, я не отказываюсь от сотрудничества, но согласись, что я могу рассчитывать хотя бы на минимум информации. Тем более мы с тобой почти коллеги. Я тоже работаю на своё отечество, которое люблю. И знаешь, поскольку я подготовился к нашему разговору основательно, то, когда примчится полиция, я попрошу их сделать анализ не только содержимого твоего влагалища, но и анализ крови. А там можно обнаружить много интересного. Знаешь, сколько дают за наркотики в Европе? Тоже «отдых» продолжительный возможен. Перед тем как ты отключилась, я ввёл в тебя немного одного вещества с отстроченным началом дей-

ствия. Оно должно сработать совсем скоро. Более того, среди складок твоих вещей заложена небольшая порция белого порошка с характерным привкусом. Ты, конечно, не знаешь, где оно, а я знаю, и по прибытии доблестной полиции я с радостью укажу им на это место. Так что подумай, имеет ли смысл тебе приглашать законников? Нам с Сашей сразу показалось подозрительным твоё поведение, – я взял паузу и испытующе всматривался в карие глаза Вики, – но мы можем договориться. Я знаю, на кого ты работаешь, а ты не знаешь, на кого я! Предлагаю сотрудничество, тем более у нас есть общие интересы, не противоречащие друг другу.

Я нагло блефовал, импровизируя на ходу. Но, к удивлению, Вики равнодушно смотрела на меня, не произнося ни слова.

– Вот как? – спокойно спросила Вики. – А наш красавец не столь прост и хочет поиграть, не так ли? Так вот – меня интересует информация о твоем друге. И правда, наши интересы совпадают пока. Временно мы можем действовать совместно. Ты выполняешь все мои указания, а я останусь киской. Но если я пойму, что ты шалишь, то берегись. – Вики с улыбкой смотрела на меня и, помолчав, добавила: – Да, а касаемо твоих наркотических грёз и закладок, то не думай, что я поверила им.

Вики вдруг схватила свою сумочку и стала там рыться.

– Ты забирался ко мне в сумку? – Вики удивлённо вскинула голову и задала этот вопрос тоном обиженного и испуганного ребёнка. – Верни то, что взял! По-хорошему прошу.

Я не сразу понял, о чём именно говорила Вики. И только когда Вики вдруг побледнела и стала немного трястись, я вспомнил о той странной вещице, которую увидел среди содержимого сумочки Вики. Тот самый маленький цилиндрик, который я обернул в остатки фольги от любимого мною шоколада «Линдт». Я, помнится, положил его в карман, чтобы узнать у Вики, что это за безделушка.

Я вытащил цилиндрик, освободив его от фольги, протянул его Вики. Вики мгновенно успокоилась, порозовев и справившись с мелкой дрожью. Выхватив из моих рук этот цилиндр, она поднесла его к подбородку. Так мы просидели в абсолютной тишине несколько минут. Я с удивлением наблюдал за происходящим, пытаясь понять смысл увиденного.

– Что это значит и что это за безделушка? – спросил я.

– Как я устала от всего! – Вики закатила глаза и откинулась на спинку кушетки, на которой сидела. – Пойми, мне нужна помощь. Все мои товарищи вышли из игры. А я не могу больше врать и лицемерить. У вас это норма, а для нас это колоссальный перерасход энергии. И я вынуждена подчиняться законам вашей биологии! Хорошо, давай играть в открытую! Мне срочно нужно попасть в земной адронный коллайдер через Якова, брата Саши. Вся эта интрига посвящена только этому. Я знаю, что мои слова покажутся тебе бредом, но у меня нет выхода и сил врать, врать… Если ты не поверишь мне или просто откажешься помочь, то просто уйди и не мешай. Но надеюсь на твою поддержку. Ты можешь дать шанс человечеству и нам.

От удивления я почувствовал жар. Вики поняла моё состояние.

– Давай по порядку. Эта, как ты её назвал, «безделушка» – важнейшая часть моего жизнеобеспечения. Чтобы отсечь глупые вопросы и сомнения, я тебе покажу кое-что, – Вики отпустила цилиндр, который держала ладошкой у подбородка, после чего он на несколько секунд завис в воздухе, а после медленно поплыл в мою сторону. Приблизившись к моей переносице, цилиндр застыл, увеличив интенсивность свечения. Перед моими глазами возникла голограмма в виде замысловатой схемы, вроде тех, какие часто показывают в научно-фантастических фильмах. Это походило на систему планет с движущимися орбитами. Там происходили какие-то сложные процессы, сопровождаемые интенсивным миганием и разноцветными всполохами. После всего этого медленно появилась довольно крупная фраза на русском языке: «Косецкий – сморщенная жопа!»

Я ошарашенно уставился на Вики. Открыв рот, я хотел спросить о смысле увиденного мною, но передумал и ошалело стал изучать оскорбительную для меня надпись, так как я и был Косецким.

Вики улыбнулась и решила сама внести ясность:

– Не расстраивайся, это не констатация факта, а всего лишь провокация, которая должна убедить тебя в серьёзности происходящих событий, – помолчав, Вики продолжила: – Мой встроенный интеллект посчитал, что на тебя благотворно воздействует именно такого рода процесс познания и восприятия.

Я опять открыл рот и задышал как рыба на берегу, не издавая никаких звуков. Сказать, что я был потрясён, – ничего не сказать. Я в прямом смысле потерял дар речи. Но справившись с удивлением, я засыпал Вики вопросами:

– Во-первых, означает ли всё увиденное мною, что ты не человек?! Во-вторых, что именно ты хочешь добиться от меня, Саши и Якова на самом деле? В-третьих, что значит встроенный интеллект?! Ты что же, робот-андрогин? – Я вымученно выдавил улыбку. – В-четвёртых, зачем твоему интеллекту понадобилось меня оскорблять? И главное – я хотел этот вопрос задать первым.

Вики продолжала улыбаться.

– Не волнуйся, всё не так сложно и легко объяснимо, по крайней мере для тех людей, кто смотрит научно-фантастические фильмы. Дело в том, что моё тело, которое ты видишь сейчас перед собой и которым ты так страстно овладел некоторое время назад, искусственного происхождения. Отчасти оно выращено из пробирки, отчасти состоит их синтетических материалов. Я же представляю собой разум, инсталлированный в сложную компьютерную программу. Я и мои братья-сестры существуют вне органических форм материи. А на моей родине мы все родственники, говоря по-земному. Но, благодаря сложнейшей системе рецепторов и датчиков этого тела, я могу ощущать все прелести и неудобства человеческой жизни. Моё преимущество состоит в том, что я легко меняю оболочку, если она есть поблизости, сохраняя память и сознание. Моя проблема заключается в том, что на этой планете вышли из строя все тела моих коллег, с помощью которых мы добивались своих целей. Осталась лишь я. Этот цилиндр является передаточным звеном между телом и моим разумом. Инкубатор тел вышел из строя по объективным обстоятельствам. Главное же заключается в том, что на Земле грядут фундаментальные перемены, в результате которых многие люди исчезнут, а оставшиеся должны будут перейти на ту форму жизнеобеспечения, которой пользуемся все мы. И мы в этом поможем вам. Причиной катаклизмов являются как естественные процессы на Земле, так и инициированные нами. Конечно, существует и субъективный фактор, знаменующий пренебрежительное отношение человечества к экологии. Впрочем, этот этап развития вашего вида был заложен в общей программе эволюции любого разума. Органическая оболочка – это рудимент, который на определённом этапе отмирает, выводя чистый разум на новый уровень. Правда, сроки и условия его прохождения зависят от поведения и миропонимания всего человечества. Степень болезненности прохождения этого периода зависит от совокупного для людей морально-этического уровня и тех законов развития, которые доминируют у вас. Пока с грустью могу сказать, что переход в целом для большинства людей будет болезненным. Хотя отдельные группы и индивиды пройдут его просто и успешно. Ты захочешь спросить: а чем же отличается этот переход от смерти? Всё просто – смерть лишает памяти и сознания большинство людей, обрекая на новый виток с «чистого листа». Это даёт шанс интенсивного личностного роста. Выйдя же на новый уровень, нельзя будет так быстро развиваться, но можно двигаться маленькими шажками всему человечеству более равномерно, преобразуя всю Вселенную. До этого единицы совершали мощные прорывы в интеллектуальном и духовном росте, а большинство прозябало на полуживотном уровне. Любой разум проходит через этот этап, но когда-то должен произойти скачок, позволяющий более равномерную эволюцию всему человечеству. Это

и есть цель всей нашей программы. Внедрение в матрицу развития человечества высочайших морально-этических норм. Тем самым мы стираем тёмное начало, которое являет собой пустоту, наполненную несовершенными эонами[7]

[7] Эо́н – в гностической терминологии духовные существа – эманации Божества, «заполняющие пространство», разделяющее Б-га и мир. Истекая из Божества, они властвуют над определённой мировой эпохой и мировым порядком. По ряду признаков («посредническая» позиция между Б-гом и миром, иерархическая организация) гностические эоны сближаются с иудео-христианскими ангелами, однако не тождественны им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.